

□ Эволюция сексуальных и брачных отношений Человека

□

Сексуальные, брачные и репродуктивные программы Человека имеют ряд уникальных видовых особенностей:

- - скрытая овуляция
- - явные вторичные половые признаки как основа сексуальной привлекательности женщины
- - постоянная готовность женщины к спариванию с момента ее полового созревания, имеющая следствием гиперсексуальность вида Homo
- - тяжелые и мучительные роды
- - самый продолжительный период детства
- - реализация устойчивой стратегии поощрительного спаривания «секс в обмен на пищу»
- - «война полов» в брачных союзах
- - и что самое необычное, параллельное сосуществование сразу нескольких систем брака.

Один из развернутых ответов на вопрос о целесообразности всех этих уникальных признаков дан в статье В. Дольника «О брачных отношениях». Вашему вниманию предлагается несколько сокращенная и слегка переработанная ее версия. Текст оригинала можно найти по [ссылке](#).

Четыре брачных программы Человека

В обозримый период человечество имело четыре [системы](#) брачных отношений:

- - групповой брак
- - полигиния – один мужчина и несколько женщин
- - полиандрия – одна женщина и несколько мужчин (большая редкость, существовавшая у одного из народов Индокитая)
- - моногамия в двух формах – пожизненный брак и брак, допускающий развод.

Одиночная семья без отца встречалась лишь как вкрапление в принятую обществом систему брака. К нашему времени полиандрия исчезла, групповой брак сохранился лишь у немногих племен, полигиния сильно сократилась, но осталась у миллионов мусульман, а моногамия расширилась, однако доминирует не пожизненный брак, а брак с разводом. Одиночная семья стала встречаться чаще.

Существование у Человека нескольких брачных систем факт крайне удивительный, ибо брачная система – важнейший видовой признак: один вид животных имеет только одну систему и никакую другую принять не может, она будет противоречить его естеству, его инстинктам. Так почему же у Человека естественным образом сосуществуют несколько брачных программ? К размышлению над этим я и приглашаю читателей.

Непростой вопрос о сексе

Естественен вопрос: откуда у человека возникла столь избыточная в сравнении с репродуктивной необходимостью потребность в регулярной половой [жизни](#), чему служит? Ведь в природе все имеет или имело какую-то цель. Такого нет ни у одного вида животных, а способность женщины вести половую жизнь непрерывно с момента полового созревания такая же уникальная особенность человека, как пользование огнем и речью. Но если это особенность человека, то она возникла и тесно связана с процессом возникновения человека. Это не рудимент, а новоприобретение, такое же, как прямохождение или изготовление орудий. Поразительно, не правда ли? И непонятно.

Прежде, чем подойдем к ответу на вопрос, рассмотрим сексуальные и брачные программы животных.

Сексуальные программы животных

У животных репродуктивное поведение образует цикл последовательных инстинктивных реакций. Под влиянием внешнего фактора, например, определенной длины светового дня или внутреннего «календаря», половая система животного переходит из неактивного состояния в активное. Об этом сообщается особям противоположного пола изменением внешнего вида, выделением особого запаха или особыми звуками. Демонстрация оставляет равнодушными особей с неактивированной половой системой, но у активированных она отпирает, как ключ отпирает замок, ответные инстинктивные программы. В результате начинается соревнование, которое обеспечивает наблюдающим его особям другого пола возможность выбора брачного партнера и расслаивает соревнующихся. Успешных оно подстегивает, а проигрывающих подавляет, не позволяя генам слабых особей перейти в следующее поколение.

Но, так или иначе, у огромного большинства видов репродуктивная система и самцов, и самок активизируется раз в год на короткий брачный период. В остальное время она неактивна. Если потомству для достижения самостоятельности требуется более года, самки либо пропускают следующий сезон размножения (крупные хищные птицы, например), либо вступают в новое размножение, имея при себе несамостоятельных детенышей (медведи, волки, львы, обезьяны).

Есть вариация, когда цикличны только самки, а самцы сохраняют способность спариваться постоянно. Таковы кошки, собаки, обезьяны, в том числе и человекообразные. Поэтому в том, что мужчина всегда готов и способен к половым контактам, нет ничего уникального, это унаследовано им от предков-приматов.

Брачные программы животных

Инициатива выбора партнера всегда односторонняя. Один пол выбирает, а другой соглашается или не соглашается. У одних видов инициатива выбора за самками, у других за самцами. Обычно более ярко украшены и больше демонстрируют себя те, кого выбирают. Выбирающая особь выбирает среди клюнувших на нее претендентов. Так обстоит дело и у человека. Но не у его ближайших родственников человекообразных обезьян: у них самка совершенно подавлена и лишена всякого выбора.

В инстинктивных программах самки заложена цель – обеспечить потомству гены от выдающегося самца. Но у видов, у которых самец заботится о самке и потомстве, программа «обеспечить потомству элитные гены» конфликтует с программой «привязать самца к себе и к потомству на весь репродуктивный период». При разбивке на устойчивые пары элитных самцов на всех не хватает, поэтому некоторым самкам приходится довольствоваться тем, что достанется. Еще недавно считалось, что у видов с устойчивыми парами самки строгие моногамы. Однако выяснилось, что у нескольких видов певчих довольно часто супруг не приходится генетическим отцом части или даже всем птенцам в гнезде. Самка выбрала супруга, по программе «обеспечить заботу о себя и о потомстве», но под влиянием программы «обеспечить потомство элитными генами» принесла птенцов от другого самца, который был уже занят. Подобного рода исследования, проведенные несколько лет назад, установили, что и у человека примерно 15% мужчин воспитывают не свое генетическое потомство, не подозревая об этом.

У моногамных видов самка выбирает супруга не только по внешним признакам, но и по перспективам обеспечить условия ей и потомству. Самки территориальных видов проверяет качество занятого самцом гнездового участка. Если участок нравится, то нравится и самец, самец без участка – вообще не самец. Подобное поведение женщин не нарушают никаких заповедей природы, скорее наоборот, подчиняется им. Если у самца есть обязанность кормить самку и птенцов, проверяется, насколько он к этому способен. Ритуальное кормление сохранилось и у людей – чем расточительнее ухаживающий мужчина, тем он привлекательнее.

Выбор потенциального партнера закрепляется в мозгу образованием доминанты, обращенной только на эту особь, преувеличивающей в субъективном восприятии ее привлекательные качества и умаляющей недостатки. Доминанта превращает выбранную особь из одной из нескольких в единственно возможную. Без ее «ослепляющего» действия животное колебалось бы в выборе, ибо далеко не всегда может встретить партнера, отвечающего идеалу. Человек называет

эту доминанту влюбленностью, ее ослепляющее действие очевидно, особенно при наблюдении ее со стороны.

Доминирование в браке

В мире животных доминирование одного из полов естественно, предопределено и не вызывает яростного сопротивления со стороны другого пола.

Очень часто в период брачных отношений у животных происходит инверсия доминирования. На какой-то период, обычно незадолго до спаривания, самец переходит в подчиненное положение и всячески демонстрирует самке свою покорность и заботу. Если это вид, в котором самец не участвует в последующей заботе о потомстве, то после спаривания происходит обратная инверсия доминирования.

Что касается приматов, то у некоторых из них инверсия доминирования наблюдается, но только на период спаривания, у других видов приматов, в том числе у всех человекообразных обезьян, инверсии нет вообще – самка у них абсолютно подавлена, всегда.

Патриархальная структура семьи (власть отца) для человека неувидительна – это свойство приматов. Простую логику брака с полным равенством полов, гуманную и разумную, нам неожиданно трудно принять именно потому, что против нее работают древние инстинкты. Матриархат первобытных людей был придуман кабинетной наукой XIX века. Если социальные процессы в цивилизованных обществах от Древнего Рима до наших дней приводили к эмансипации женщин, то это всегда сопровождалось снижением стабильности семьи.

Устойчивая стратегия поощрительного спаривания

У огромного большинства видов оплодотворение тут же прекращает «всю любовь». Самец утрачивает интерес к самке, а та к самцу, мало того под влиянием гормонов, изменяющих мотивацию поведения, реагирует на ухаживание очень агрессивно.

Поэтому и относится к биологическим загадкам, уже упоминавшаяся непрерывная способность женщины к половым контактам. Чтобы произошли столь глубокие изменения физиологии и поведения одного из полов, должны были быть причины. Ч. Дарвин в «Происхождении человека» придавал большое значение действию полового отбора. Позднее специалисты по человеку стали игнорировать его значение. Но идеи Дарвина, как известно, имеют особенность подтверждаться: в свете современных данных мы должны признать, что старик был опять прав – человек в ходе эволюции прошел через период усиленного полового отбора. Ради чего?

Мы догадывались ради чего, но не был известен вид, позволяющий на примере «смоделировать» путь, приводящий к постоянству сексуальной активности женщин. Недавно такой вид был изучен. Это обезьяны верветки, живущие в групповом браке. У верветок период спаривания наступает синхронно для всех самок один раз в год (в этом отношении они типичные нечеловекообразные обезьяны), но растянут вплоть до второй половины беременности (тут по длительности готовности к половым контактам они отчасти напоминают женщин). В течение периода сексуальной активности самка успевает спариться с большинством самцов в группе, и все они делятся с ней пищей, так как находятся в подчиненном состоянии, которое длится, пока самка может спариваться. Чем самка сексуально активнее, тем больше у нее пищи для себя и своих зародышей, тем больше самцов считают ее детенышей своими. Так что если один из самцов погибает или уходит в другую группу, детеныш без отца не остается. Ветветкам удалось преодолеть столь типичный для приматов принцип полного господства самцов, растянув инверсию доминирования самки перед спариванием, тем самым обеспечить заботу о самке и потомстве.

Брачные программы у приматов как прообраз человеческих

В семейном отношении приматы мало похожи на человека, но их брачные программы позволяют проследить предполагаемую эволюцию брачных программ Человека.

У орангутангов, одного из живущих на деревьях видов, самцы не дерутся из-за самок, не заботятся ни о них, ни о

детенышах. Гориллы живут на земле и деревьях в лесу, группами с полным доминированием одного самца, который, однако, позволяет подчиненным спариваться со своими самками. Те совершенно подавлены самцами, которые перед ними не токуют, ни их, ни детенышей не кормят. Шимпанзе живут в более открытом ландшафте и проводят много времени на земле. Группы у них более обширные, а отношения теплее и разнообразнее. Самцы образуют не столь строгую иерархию, но самок не ревнуют, не токуют перед ними и не кормят. У гиббонов, отделившихся от общего ствола предков несколько раньше, чем человекообразные, отношения семейные. Семья состоит из самца, одной-двух самок и детей. Подросшие дети обоего пола изгоняются. В местах кормежки семьи объединяются в группы.

Многие специалисты считают, что изначальная структура сообщества предков человека во времена древесного образа жизни напоминала структуру гиббонов. Главный аргумент в пользу исходной моногамности – сохранение у человека инстинкта ревности, который ослаблен или вообще отсутствует у обезьян с групповыми формами брачных отношений. В пользу присутствия в эволюции человека периода парного брака говорит наличие у мужчин пусть слабый, но все же несомненной потребности и без секса заботиться о своей женщине и ее детях, чего начисто лишены человекообразные. Но если бы предки человека всегда так и оставались бы моногамами, то им не нужны были бы поощрительное спаривание и перманентная готовность к нему самки: самец и так считает детей и самку своими и готов заботиться о них и защищать. В такой ситуации излишняя сексуальная активность является нерациональной, потому опасной, тратой энергии. Она нужна при групповом браке по типу верветок. Поэтому этологи согласны с этнографами: на каком-то этапе эволюции предки человека свернули к групповому браку, но с заботой прамужчин о праженщинах.

Пока предки человека жили на деревьях, враги были им не очень страшны, и сочетание парных семей с групповым владением территорией соответствовало особенностям их среды обитания. Когда же они спустились на землю и начали осваивать открытые ландшафты, где много хищников, от которых некуда скрыться, их группы должны были сплотиться в оборонительную систему, как это по тем же причинам произошло у павианов и в меньшей степени у частично остающихся под прикрытием деревьев шимпанзе и горилл. К тому же из-за перехода к питанию корневищами и семенами растений они утратили главное оборонительное оружие приматов – острые, выступающие клыки. Такие клыки не позволяют челюстям делать боковые движения, нужные при перетирании твердых корневищ и семян. Также клыки препятствовали развитию членораздельной речи – радикального эволюционного преимущества, обеспечившего эволюцию интеллекта.

Сохранение в построенной на иерархии сплоченной социальной группе парных отношений полов затруднено, что продемонстрировали гориллы, шимпанзе, павианы, которые перешли к «обобществлению» самок либо всеми самцами в группе, либо иерархами. Самцы при этом полностью подавили самок, не кормят ни их, ни их потомство, самки вполне справляются с этим сами, благо основная пища человекообразных – побеги и листья – имеется в достатке. Однако предки человека пошли несколько другим путем – перешли к групповому браку, но с усилением заботы самцов о самках и детях, чему были веские причины. И именно на этом этапе праженщины претерпели серьезные эволюционные изменения.

Эволюционный спринт

В конце сороковых годов замечательный советский исследователь, генетик человека С.Н. Давиденков выдвинул гипотезу: биологическая эволюция от обезьяны к человеку была на последнем этапе исключительно быстрой. Естественный отбор решал уйму совершенно новых задач, очень быстро, как бы вчерне. Если бы человек и дальше эволюционировал как обычный биологический вид, все решения были бы, в конце концов, отшлифованы естественным отбором. Но в самый разгар биологической эволюции человека случилось невиданное – он в значительной мере вышел из-под влияния естественного отбора незавершенным и недоделанным. И остался таким навсегда.

Выход из-под действия отбора обусловлен тем, что главным условием успеха стала не генетически передаваемая информация, которую и тестирует естественный отбор, а знания, передаваемые негенетическими механизмами. Преимущество получили не те Номо, кто биологически лучше устроен и приспособлен, а те, кто быстрее познает и лучше использует все возрастающее с каждым поколением негенетическое знание о том, как согреться, добыть пищу, защищаться, вообще, как выжить. Выше уже упоминалась одна из причин редукции клыков у Человека – они мешали развитию сложной членораздельной артикуляции, а это условие возникновения речи, которая стала основным механизмом получения и передачи негенетического знания. Другими следствиями специализации по интеллекту стали большая голова и переход к

постоянному прямохождению: двуногость – следствие развития мозга и абстрактного мышления, дошедшего до стадии создания и применения средств производства, для чего надо было на постоянной основе освободить руки. В результате быстрого отбора по интеллекту так и осталось нерешенным противоречие между громадной головой ребенка и недостаточно расширившимся из-за необходимости прямохождения тазом женщины. Поэтому роды тяжелы, мучительны и опасны.

Специализация «по интеллекту» сопровождалась неизбежным удлинением периода обучения: мало иметь большой мозг, его еще нужно заполнить знаниями, а делается это успешно только в период, когда в нем образуются новые структуры и связи, то есть в детстве, до наступления половой зрелости. Поэтому детство у человека, по сравнению с млекопитающими сходных размеров, чрезвычайно растянулось. Человекообразные приматы достигают самостоятельности к трем-четырем годам, а половозрелости к шести-десяти годам. Человек созревает в половом отношении к двенадцати-четырнадцати годам, самостоятельным становится не раньше этого срока, а чаще и позже. И все эти годы ребенок человека нуждается в заботе, опеке и обучении, менее самостоятелен, чем детеныш человекообразных.

Чтобы человеческий род продолжался, «среднестатистическая» мать должна вырастить до самостоятельного возраста не менее двух детей. Предполагают, что у первобытной женщины, как и у человекообразных, ребенок рождался раз в три-четыре года. Чтобы второй и третий ребенок стали взрослыми, мать должна прожить после полового созревания шестнадцать–двадцать лет. А средняя продолжительность жизни первобытного человека была двадцать пять лет, такая же, как у человекообразных. За эти годы и у матери, и у отца был очень велик шанс гибели. Ясно, что парная семья в таких условиях становилась неприемлемой, к чему мы еще вернемся.

Частично проблема ранней смертности компенсировалась тем, что у человека, как и у шимпанзе, матери помогают в заботе о детях ее сестры и старшие дочери. Вот почему у девочек есть сильная инстинктивная потребность нянчить младших братьев и сестер. Если их нет, то девочки нянчат кукол, если кукол нет, они способны создать их сами. Но эта взаимопомощь на уровне одного пола не решает проблемы. Отягощенные детьми матери могут добывать пропитание только собирательством растительной в основном пищи. Однако мозг человека во время своего развития нуждается в снабжении белками животного происхождения, в том числе и белками позвоночных животных. Иначе наступает так называемый алиментарный маразм – ребенок становится тупым, не способным учиться. Животную же пищу могут догонять, ловить и убивать только не связанные детьми мужчины.

Поэтому у предков человека выживание и полноценное развитие потомства зависело от того, удастся ли заставить самцов заботиться о нем и о самках. Отбор решил эту задачу экстравагантным путем, отчасти сходным с решением у верветок. Используя врожденную инверсию доминирования самок перед спариванием как исходный плацдарм, он начал усиливать и продлевать ее, делая самку перманентно привлекательной для самца и постоянно готовой к поощрительному спариванию, что дало возможность реализовать на постоянной основе стратегию «секс в обмен на пищу». Если самке удавалось удержать около себя самца, ее дети выживали, если нет – погибали.

Решить эту задачу естественным отбором было не так-то просто, поскольку ему противоречили и сексуальные программы млекопитающих, и очень далеко зашедшее у высших приматов доминирование самцов над самками. У подавляющего большинства млекопитающих, в т.ч. и у приматов, у самок в моменты овуляции проявляются признаки, открыто демонстрирующие их готовность к спариванию с репродуктивной целью. Только в эти короткие периоды самки привлекательны для самцов и те вступают в борьбу за право быть избранными, ухаживая и делая подношения. Все остальное время самцы сексуально индифферентны по отношению к самкам.

Чтобы изменить эту привычную программу, у вида *Homo Sapiens* в процессе эволюции исчезли признаки, демонстрирующие овуляцию, тем самым лишив самцов представления о том, когда именно самка готова к репродуктивному спариванию. Поэтому с точки зрения встроенной программы передачи своих генов появился смысл постоянно предпринимать попытки к спариванию. Плюс к этому у самок появились явно выраженные вторичные половые признаки, которые сменили в этом качестве демонстрацию овуляции, что сделало их сексуально привлекательными для половозрелых самцов уже на постоянной основе. А поскольку самцы приматов по своей природе всегда готовы к

спариванию, то произошедшие изменения стали основой гиперсексуальности Человека, расчистив ему путь к регулярному сексу, помимо прочего, постоянному источнику удовольствий. Но целью эволюции была отнюдь не забота об удовольствиях, а решение более фундаментальной задачи выживания самок и потомства в процессе эволюционного усложнения мозга.

Эволюционные недостатки моногамии

Взросшая и постоянная привлекательность самки теоретически могла бы поспособствовать моногамным отношениям, но этому препятствовала главная проблема – недостаточная продолжительность жизни родителей. Избирательность моногамии сопровождается четким разделением самцами самок и детей на своих и чужих, тогда как за время взросления потомства вероятность гибели самца-кормильца от болезни или на охоте, где он подвергался постоянной опасности, была весьма высокой. В такой системе брака детеныш оставался бы без отца, что автоматически обрекало бы потомство на голодную смерть: никто из других самцов не стал бы в условиях дефицита пищи, а он был перманентным, кормить чужих детей при угрозе выживания своим, даже за хороший секс на стороне. Поэтому с позиций самки ограничивать поощрительный секс верностью кому-либо одному, учитывая низкую продолжительность жизни, дефицит пищевых ресурсов и длительный период детства, было бы деструктивной стратегией. Столь фундаментальный недостаток моногамии разрешался в групповом браке, при котором детеныш не лишался мужской опеки в случае гибели биологического отца, ибо многие, возможно и все самцы в группе относятся к нему как к своему.

Был и другой аспект, игравший против моногамии. Пралюди проживали совместно в составе больших групп. Самцы катастрофически умнели, к тому же превратились в перманентно озабоченных из-за демонстративной сексуальной привлекательности постоянно готовых к спариванию самок. Поэтому все как один были готовы не только предлагать пищу в обмен на секс, но и проявить недюжинные фантазию, выдумку, красноречие и хитрость, добиваясь благосклонности самки. Чтобы в таких условиях гарантированно воспрепятствовать спариванию своей партнерши с конкурентами, самец даже в туалет не успевал бы отлучиться, не то, что на охоту. А кому он нужен такой – не добытчик, а влюбленный домосед? Остается добавить, что высокая избирательность самок, сопровождающая моногамию, неизбежно ограничивала бы общий объем сексуальных контактов в группе, что в условиях стаи привело бы к высокому уровню внутригрупповой агрессии постоянно сексуально провоцируемых самцов.

Поскольку групповому браку предшествовал моногамный, то программы последнего сохранялись и тоже влияли на поведение, прежде всего – это ревность. Так что до идиллического бесконфликтного группового брака вертевок человек, видимо, не дотягивал. Более вероятно, что в рамках группового брака праженица стремилась к компромиссному варианту – иметь одну более прочную связь и сколько-то вспомогательных. Возможно также, что ввиду ревности прамужчин ей было удобнее не афишировать вспомогательные связи намеренно.

Кстати, теория матриархата выросла из одного факта – именовании у некоторых народов в древности детей не по отцу, а по матери, но отражает неизбежную в групповом браке неопределенность отцовства, а не абсолютно невозможную при первобытной жизни «власть женщин».

Возврат к моногамии

Последующий переход к моногамии – исключительно социальный проект, возможность реализовать который представилась только по достижении уровня развития производительных сил и общественных отношений, позволившем снять обсуждавшиеся выше ограничения:

- преодоление состояния постоянного дефицита пищевых ресурсов
- рост продолжительности жизни до уровня, обеспечивающего самостоятельное воспитание семьей потомства
- возможность обеспечить экстерриториальность семьи в племени – имеется в виду наличие отдельного, пусть и самого элементарного жилища
- принятие социумом моральных ограничений и законов, поддерживающих возврат от группового брака к моногамии.

Корреляция возврата к моногамии с экономикой изложена в «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

Симбиоз стратегий доминирования в браке

В любой молодой семье идет явная или неявная конкуренция двух стратегий: новоприобретенной стратегии доминирования самок перед спариванием на основе поощрительного секса и более древней стратегии абсолютного доминирования самцов, доставшейся нам от приматов. Сложившуюся ситуацию часто называют «войной полов».

В нормальной семье сосуществуют обе стратегии, поскольку каждая является оптимальной для одних целей и провальной для других. Ситуация, когда в результате соперничества одна из стратегий полностью подавляет другую, нежелательна с точки зрения и устойчивости семьи в долгосрочной перспективе, и социализации вне семьи повзрослевших детей.

Причина множественности брачных программ

Сосуществование программ моногамного и группового браков позволяет, комбинируя их, получать полигинию (многоженство) – женщины живут по программе моногамного брака, а мужчина по программе группового, полиандрию (многомужество) – женщина живет по программе группового брака, а мужчины – моногамного, и, конечно, моногамный или групповой брак в чистом виде. Поэтому в дальнейшем, при изменении условий жизни, люди так легко могли переходить к разным системам брачных отношений. Например, земледельцам более всего подходит моногамия, а скотоводам-кочевникам более подходила полигиния.

Присутствие в процессе эволюции последовательно разных брачных программ и невероятная скорость эволюции Человека на заключительном этапе являются причиной того, что унаследованные нами от предков программы так противоречивы и неоднозначны, тогда как у других видов согласованы и притерты друг к другу: у животных все новые программы реализуются четко и однозначно, а древние, которым они пришли на смену, подавлены.

Теперь вам ясно – для этологов многие странности сексуально-брачного поведения человека расшифровываемы. Много в этой области мы можем понять и объяснить, но почти ничего не можем отменить или исправить. Инстинкты сидят в нас и влияют на наше поведение и сознание. Именно поэтому остались нерешенными и противоречия между половыми, брачными, семейными инстинктами и нормами общественного поведения. Поэтому так часто мы ведем себя неудачно, даже просто плохо и в том случае, когда руководствуемся инстинктами, и в том случае, когда сознательно стремимся идти им наперекор.

февраль 2010г.

□